
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ВОЗЗРЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ И РЕФОРМАТОРОВ-ДЕМОКРАТОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

Р.А. Арсланов

В.В. Блохин

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается отношение крупнейших мыслителей либерального и реформаторско-демократического направлений России эпохи пореформенной модернизации к отечественной интеллигенции. Анализируется саморефлексия видных представителей российской интеллигенции. Особое внимание уделяется их пониманию характера, особенностей и исторической роли интеллигенции. Выявляется специфика подходов во взглядах на интеллигенцию, отражавшая складывание различных оппозиционных течений, разрабатывавших свои модели развития страны.

Ключевые слова: интеллигенция, демократия, либерализм, государство, народ, реформы, революция, просвещение, политический кризис, общественный подъем.

Сегодня, как и более века назад, в российском обществе ведутся споры о характере и роли интеллигенции в жизни страны. Одни видят в ней движущую силу протестного движения, другие говорят о превращении в служанку власти, третьи обосновывают ее исчезновение как особой общественно-политической силы.

Обращение к теме саморефлексии российской интеллигенции эпохи рыночной модернизации конца XIX – начала XX в. дает возможность не только проанализировать ее видение собственной исторической роли и тем самым осмыслить особенности демократического движения России в прошлом, но и лучше понять ее возможности и стоящие перед ней насущные задачи в настоящем. Тем более что интеллигенция продолжает оставаться в центре внимания исследователей, обрастая все увеличивающейся научной литературой (1). Определенный интерес вызывает и проблема саморефлексии интеллигенции (2).

Вместе с тем отдельные аспекты ее истории, и прежде всего сравнение восприятия интеллигенции представителями отдельных течений общественной мысли, не получили должного освещения, что и делает обращение к теме необходимым. В статье предполагается сопоставить взгляды крупнейших представителей либерального и демократического направлений на характер,

особенности, исторические задачи, а также на отношение к народу и власти российской интеллигенции конца XIX – начала XX в.

Следует заметить, что особенно острые дискуссии о сущности и предназначении российской интеллигенции возникали в период общественных потрясений и политических кризисов конца 1870-х – начала 1880-х гг., а затем – на рубеже XIX–XX вв. При этом если радикальные публицисты подчеркивали ее народолюбие, жертвенность и особую историческую миссию, заключающуюся в спасении страны от «ужасов капитализма» с помощью революции, а консерваторы разоблачали ее буржуазность и космополитизм, обвиняли в национальной беспочвенности и отрыве от подлинных нужд народа, то либералы и умеренные демократы предложили свое понимание ее характера и роли в обществе.

Теоретик либерализма, один из основателей «государственной школы» в исторической науке К.Д. Кавелин хотя и не разработал цельную концепцию интеллигенции, сформулировал ряд идей, позволивших судить о его отношении к этой социальной группе. Прежде всего он видел в интеллигенции решающую силу общественного развития страны, считал что «...зачинателями и носителями движения являются... высшие образованные слои», в которых «сосредотачивается и знание, культура, наука, искусство и вся умственная жизнь общества» (3).

Вместе с тем Кавелин противопоставлял интеллигенцию образованному обществу, так называемому «культурному слою». К нему в 1882 г. он относил те высшие группы общества, «...которым по их положению и материальным средствам блага цивилизации, науки искусства более доступны, чем массам, трудящимся над черной работой из-за куска хлеба». При этом в его трактовке «культурность» данного слоя была мнимой, ибо он заботился не о народе, а лишь о своих эгоистических интересах. По словам Кавелина, «где культуры нет в массах, там высшие слои только по названию суть культурные; на самом же деле их цивилизация и образованность есть кажущаяся... обманчивая: ее нет в нравах» (4).

Таким образом, в построениях Кавелина подлинная интеллигенция, в отличие от образованного общества, не ограничивалась лишь интеллектуальной деятельностью в своем узком кругу, а занимала активную жизненную позицию, пытаясь всеми силами помочь народу вырваться из нищеты и невежества. При этом главное, что мешало крестьянству изменить к лучшему свою жизнь, заключалось, по мнению либерала, не столько в его культурной отсталости, сколько в «стертости личного начала», являвшейся обратной стороной его беспорядка, сохранения общинных порядков, произвола власти и пр.

Просвещение народа, формирование в нем личности и выдвигалось Кавелиным на первый план. «У нас народное образование, – писал он, – должно преобразовать людей, и через них и самую жизнь, создать, т.е. привести к сознанию и призвать к жизни то, что бессознательно лежит в глубине народного духа, но не играет еще никакой роли в устройении быта и людских

отношений, пересоздать народные привычки, понятия верования, – все, что в народе выросло на почве безличности, бесправия и невежества» (5).

Таким образом, Кавелин выдвигал перед интеллигенцией огромной важности историческую задачу – просветить народ, без чего невозможно было создать личность и гражданское общество, а в целом – обеспечить прогрессивное развитие страны.

Вместе с тем либеральный мыслитель констатировал существование между народом и интеллигенцией огромной пропасти, того социокультурного раскола, который до крайности обострял противоречия процесса модернизации. «Между логикой интеллигенции и логикой трудящегося мелкого люда, составляющего громадную массу, – писал он, – нет решительно ничего общего, ни переходов, ни связующих звеньев. Одно, кажется, несомненно: мотивы, которые искали и довольно верно в основании народного мирозерцания и предания в учении славянофилов, значительно ослабли и потускнели; но так же мне кажется, несомненно, что они не заменились никакими другими. В этом трагизм и нашего положения» (6). Таким образом, культурная пропасть, по мнению Кавелина, стояла на пути интеллигенции к народу и, лишая какой-либо социальной поддержки устремления ее либеральной части, представляла собой серьезную опасность для будущего страны.

Представляется, что на взгляды Кавелина на интеллигенцию оказало определенное влияние народническое учение о ее долге перед народом. Вместе с тем Кавелин выступил с критикой радикального крыла народнической интеллигенции, тратившей силы и несущей, по его мнению, напрасные жертвы ради воплощения утопических идей. Он призывал интеллигенцию учитывать все стороны жизни и быта крестьян, объективно оценивать его внутренний мир и устремления. «Для одних наши крестьяне чуть-чуть не аркадские пастушки, – писал он. – Другие, из самых лучших побуждений, переносят на крестьян все самые светлые и высокие идеалы человеческого совершенства... призывают учиться у крестьян» (7).

Но главное заблуждение народников заключалось, по его мнению, в том, что в изменившихся пореформенных условиях они не заметили превращение крестьянской общины, долгое время воспринимавшейся ими основой социалистического переустройства страны, в структуру, сохранявшую «запоздалые остатки исчезающего стадного чувства и полнейшей индивидуальной неразвитости». Они не увидели втягивание крестьянского хозяйства в рыночные отношения, которые вели к утверждению «... между крестьянами индивидуализма, грубого, неприглядного и беспощадного, каким он везде и всегда бывает при первом своем появлении и первых попытках вступить в права гражданства» (8).

Таким образом, созданный народнической интеллигенцией общинный идеал крестьянства, как полагал Кавелин, не только не соответствовал постулатам социалистической теории, но и отражал неразвитость, патриархальность крестьянства, к тому же стремившегося не к социальной справед-

ливости, а к развитию индивидуального хозяйства и личному обогащению любыми средствами.

К недостаткам русской народнической интеллигенции Кавелин относил не только ее идеализацию крестьянства, но и поверхностное восприятие европейской мысли, предрасположенность не к творчеству новых форм, а к уравнительной справедливости. Истоки ее слабых сторон либеральный публицист видел в оторванности от реальной жизни, враждебном отношении к государству и полном отрицании положительного значения проводимых реформ. «В образованных слоях нашего общества, – писал он, – внешний формализм, с одной стороны, удаль и разгул – с другой, переносятся в сферу мысли и духовной деятельности. Нравственная пустота, сила без внутреннего центра тяжести – вот элементы нашего умственного казачества» (9), – так достаточно образно характеризовал Кавелин идейные шатания радикальной части интеллигенции, подчеркивая ее духовную близость к анархически настроенному казачеству прошлого.

Вместе с тем, критикуя интеллигенцию, Кавелин, защищал ее от нападок со стороны представителей консервативных сил. Так, он не принял той части знаменитой «пушкинской речи» (1880) Ф.М. Достоевского, в которой великий писатель противопоставлял народу – якобы «хранителю христианской правды» – интеллигенцию – «отщепенца от этой правды» (10). Споря с Достоевским, он писал, «что как бы мы любовно не смотрели на народные массы, нельзя признать их в том виде, в каком они существуют, идеалом совершенства». Кавелин не принял основную идею великого писателя о высоких нравственных качествах русского народа, будто бы пропитанного духом христианства и тем выгодно отличающегося от «беспочвенной интеллигенции». Он подчеркивал неопределенность характера «нашей духовной природы», несовпадение практической жизни с нормами морали и полагал, что «просвещение народных масс в духе христианства еще ожидает своих деятелей» (11).

Кавелин выступал и против официального курса, направленного на изоляцию интеллигенции от народа. Властям он говорил о том, что «пора перестать бояться соприкосновения интеллигенции и нарождающихся молодых сил с крестьянским населением», саму же интеллигенцию убеждал в том, что ее «бескорыстная, самоотверженная, идейная любовь к народу» могла лучше всего проявиться «в служении на пользу грубых и темных народных масс... в должностях народных учителей... станowych, исправников, мировых судей... в звании фельдшеров и т.п.» (12). Таким образом, он призывал интеллигенцию отказаться от утопических устремлений и сосредоточиться на «малых делах», создающих условия для воплощения идей свободы и создание гражданского общества в стране.

При этом мыслитель сравнивал роль интеллигенции в проведении культурных преобразований и развитии внутреннего мира человека с тем, что должно было осуществить государство в административно-политической и

социальной сферах. Таким образом, перспективы развития России Кавелин связывал с соединением усилий интеллигенции, призванной осмыслить и сформулировать «русский национальный интерес» и просвещать народ, и государства, обязанного создавать необходимые экономические и правовые условия для осуществления ее модернизации. В итоге модель будущей России – «мужицкого царства» – представлялась ему «...необозримым морем оседлого, свободного, трудящегося, благоустроенного крестьянства, с сильной центральной властью, обставленной высшей интеллигенцией, постоянно вырабатываемой страной, но не составляющей ни юридически, ни экономически привилегии какого бы то ни было класса, сословий или общественной группы. Преобладание свободного крестьянства, представляемого бессословной интеллигенцией, исключает возможность господства черни и ее последствий – цесарской власти, ограбления богатых в пользу бедных, нетерпимости религиозной или национальной...» (13).

В этом проекте Кавелина интеллигенция выступала в качестве духовной силы, выражающей интересы не какой-либо социальной группы, а всего народа. Обеспечивая связь между народом и государством, она была призвана, с одной стороны, не допустить революции, приводящей к установлению «диктатуры черни» со всеми ее трагическими последствиями, а с другой, – помочь государству обеспечить мирное обновление страны, воплотить в жизнь идеалы либерализма с учетом российских особенностей. Таким образом, с помощью интеллигенции, осваивающей современную науку и осмысливающей российские реалии, Кавелин надеялся соединить в русском обществе традиционное и либеральное, самобытное и европейское, что и должно было обеспечить стране свой собственный, либеральный в основе, путь развития и вхождения в мировую цивилизацию.

Последователь Кавелина, известный правовед и публицист «Вестника Европы», представитель молодого поколения «государственной школы» А.Д. Градовский разработал более цельную, чем его идейный учитель, концепцию русской интеллигенции.

Под интеллигенцией он понимал, прежде всего, «...совокупность таких умов, в которых как в фокусе сосредотачивается разумение всех потребностей целой страны, от верхнего ее слоя до нижнего, всех ее стремлений и задач, которые умеют дать разумную формулу всякому движению, указать исход всякому замешательству и нравственному влиянию которых подчиняются все действующие силы страны» (14).

Таким образом, либеральный мыслитель подчеркивал, прежде всего, бессословный характер интеллигенции, в котором видел не ее слабость, а силу, заключающуюся в возможности осмысливать и формулировать интересы всех слоев общества, в способности оказывать на них не экономическое или политическое, а нравственное влияние.

Само становление российской интеллигенции Градовский связывал с потребностями государства в развитии и просвещении, которые наиболее

полно осознал и стал воплощать в своих реформах Петр I. По словам публициста, «просвещение водворялось в России первоначально вовсе не ради всенародной нужды, а просто потому, что государству нужны были образованные служилые люди» (15).

Таким образом, появление русской интеллигенции, да и ее развитие он определял, с одной стороны, реформаторской деятельностью государства, а с другой, – заимствованием европейского просвещения. Ее же превращение в самостоятельную силу происходило, согласно представлениям Градовского, по мере восприятия идеи свободы, а также перехода в оппозицию к реакционным устремлениям власти и отсталым «общественным учреждениям». Так, по его словам, «впервые самостоятельный голос» интеллигенции «раздался в лице Новикова и Радищева, и до сей поры мы видим, что все ее усилия были направлены к установлению таких условий, при которых возможно правильное развитие человеческой, а следовательно, и народной личности». Градовский в условиях цензуры не мог написать открыто, что основным таким условием была свобода. Вместе с тем он отметил вклад интеллигенции в отмену крепостничества, ограничение телесных наказаний, развитие школы и печати, высоко оценил ее борьбу за «свободу совести», что в комплексе и создавало предпосылки для «правильного развития всех материальных и нравственных сил» народа (16).

Защищая, как и Кавелин, интеллигенцию от прозвучавших в пушкинской речи Достоевского обвинений в беспочвенности («скитальчестве»), гордыне, праздности, «стремлении будоражить народ» вместо того, чтобы служить ему, либеральный публицист в статье «Мечты и действительность» подчеркивал, что интеллигенция как общественная сила складывалась в результате отрицания не «народной правды», а крепостнических порядков и «общественных учреждений» того времени.

Именно стремление помочь народу, «ненависть к рабству», тяготевшему над ним, сделали из интеллигенции «проповедников освобождения» и привели к сотрудничеству с властью, лучше всего понимавшей общественные потребности. И лишь на пути служения народу, заключавшемся, прежде всего, в его приобщении к «просветительскому движению», было возможно преодолеть взаимное отчуждение.

Градовский признавал силу и значение «мощной проповеди личной нравственности» Достоевского, но доказывал, что развитие людей не может происходить без совершенствования «общественных учреждений, воспитывающих в человеке если не христианские, то гражданские доблести» (17).

Вместе с тем Градовский, как и его идейный учитель, выступил против прозвучавшей в речи Достоевского идеализации народа, его нравственных качеств. Полагая, что в народе сохраняется «еще слишком много неправды, остатков векового рабства», либеральный публицист утверждал, что лишь с помощью интеллигенции он сможет «воспринять свободно начала общечеловеческой культуры» и принять осознанное участие в преобразованиях, на-

чатых в 1861 г. (18). При этом Градовский был убежден, что «никакие общественные установления не могут развиваться, ни даже пустить корни, если человеческая личность не обеспечена в своих элементарных правах» (19).

Таким образом, Градовский, как и Кавелин, основную проблему народа, да и высших слоев, видел в их обезличенности, без преодоления которой невозможно было творчество и общественное развитие (20). Решение же задачи становления и развития личности, невысказанное без обеспечения ее прав и свобод, возлагалось им на интеллигенцию и государство.

Либеральный публицист полагал, что внеклассовость отличает не только русскую, но и западноевропейскую интеллигенцию, которая «...составляется из разных элементов, и тем шире ее стремления, тем полнее ее влияние. Она понимает и умеет выразить интересы крестьянина и фабричного рабочего точно также, как интересы других высших классов общества, и притом выразить их в гармонии... в степени, согласной с благом целого... От этого все слои общества считают представителей интеллигенции одинаково своими, верят им, идут за ними» (21).

Тем самым, ведя уже полемику с радикальной частью российской интеллигенции, Градовский призывал ее не только отказаться от представлений о своей исключительной исторической роли, заключающейся в осуществлении революции трудящихся, направленной против верхов общества, но и по примеру европейской интеллигенции взять на себя реформаторскую задачу гармонизации и защиты интересов различных социальных слоев. Он критиковал революционных народников за их стремление поднять крестьянство на борьбу за чуждые ему идеалы, пробуждая в нем самые низменные инстинкты. Их агитация в народе, по мнению либерала, могла произвести «...не “революцию” (кавычки Градовского. – Р.А.), а просто русский бунт, “бессмысленный и беспощадный”, как говорил Пушкин» (22).

Поэтому главной задачей интеллигенции Градовский считал не разжигание страстей в народе путем пропаганды, а увеличение своих рядов в целях просвещения и нравственного воспитания народа. По его словам, интеллигенция должна была «не будить зверя, а выгнать его, чтоб дать место человеку, не продолжать деморализацию общества, разжигая и поощряя животные инстинкты, а морализовать его...» (23). Увлеченную социалистическими и революционными идеалами молодежь он призывал «не бросаться в “народный океан”, а увеличивать мыслящую, разумную и нравственную часть русского общества, потому что только здесь может она принести пользу и народу» (24). Иными словами, он убеждал молодую интеллигенцию оставаться интеллигенцией, доказывая, что только на этом «посту» она могла послужить народу.

Таким образом, Градовский, анализируя феномен российской интеллигенции, ее отношения с народом и властью, фактически разработал свою модель преобразований, в основе которой лежала идея создания свободной «народной личности» и гражданского общества в условиях сохранения сильного монархического государства. Представляется, что он, как и Кавелин,

мыслил развитие России на базе синтеза национальных и либеральных ценностей.

Интерес к вопросам роли интеллигенции в общественных преобразованиях резко вырос на рубеже XIX–XX вв., когда со всей очевидностью наметился новый общественный подъем, а само общество находилось в состоянии ожидания революции.

В определенной мере проблема интеллигенции была актуализирована и поиском движущих сил в политическом процессе, поскольку до начала XX в. «раскачать» народные массы и направить их против самодержавия лидерам оппозиционной интеллигенции так и не удалось. Обращение к взглядам публицистов реформаторско-демократического направления общественной мысли диктуется еще и тем обстоятельством, что в либеральном социализме органично сопрягались как либеральные, так и социалистические подходы к общественной реконструкции страны, намечался поиск новой стратегии политической борьбы. Отчасти такой синтез либеральных и социалистических практик и идеологий воплотился в созданной в годы первой революции «Народно-трудовой социалистической партии» (энесов).

Безусловно, идеологическая основа партии была заложена еще Н.К. Михайловским, которого по праву считают идеологом «либерального» (реформаторского) социализма. Дальнейшее развитие его идей было осуществлено в трудах А.В. Пешехонова и В.А. Мякотина, известных публицистов журнала «Русское богатство».

Работая в журнале, Пешехонов и Мякотин неявно разделяли между собой направления публицистической деятельности. Пешехонова интересовали прежде всего экономические вопросы, а Мякотин большее внимание уделял исторической проблематике. Но и тот и другой страстно отстаивали сложившуюся в журнале концепцию интеллигенции. Наиболее полно их взгляды были отражены в статье Мякотина «Профессор 40-х годов» и в цикле статей Пешехонова «К вопросу об интеллигенции».

Ключевая идея реформаторского демократизма, развившего взгляды либералов предшествующей эпохи, состоит в обосновании исторического значения личности, нацеленности на ее освобождение. Пешехонов, характеризуя смысл либерально-народнической программы, писал: «Благо личности как цель, сознательное вмешательство в исторический процесс как средство, общественный идеализм как двигатель – вот основные пункты этой программы...» (25).

Мякотин, обращаясь к истории идей и русской мысли, в определенной мере находил в них подтверждение либерально-народнической программы. Так, осмысливая роль западника Т.Н. Грановского в истории общественного движения России, он находил в его либеральной концепции созвучные реформаторскому народничеству ноты, подчеркивал, что «профессор “сороковых годов” превыше всего ценил человеческую личность, введя в науку понятие о свободной от роковых определений личности» (26).

Средством общественной эмансипации личности и интеллигентны середины XIX в. и либеральные демократы начала XX в. считали просвещение и науку в ее позитивистском, естественно-научном толковании. Безоговорочную веру в силу научного знания Мякотин находил у Грановского, который в данном контексте выступает как предтеча демократов. По словам публициста, Грановский «уже намечал возможность разрешения загадок истории путем естественно-научного объяснения» (27). Убежденным позитивистом выступал и Пешехонов. Отвергнув метафизическое мировоззрение, он формулировал свое кредо: «Я научился преклоняться перед научным знанием и его методами, перед критической мыслью и ее результатами» (28).

В статье «Проблемы совести и чести в учении новейших метафизиков» (1903), написанной в ответ на вышедший из печати идеалистический манифест «Проблемы идеализма», Пешехонов заочно полемизирует с Б.А. Кистяковским, который подверг тщательному анализу субъективную социологию Михайловского (29). С точки зрения идеалистов, социальное зло – неизбежно, а добро является не столько социологической закономерностью, сколь нравственным императивом.

Проблему социального добра идеалисты переносили в сферу «нравственной гармонии», в трансцендентную область. Конечно, Пешехонов хорошо понимал характер теоретических обвинений со стороны идеалистов и решительно встал на защиту социологических принципов Михайловского, правда, дополнив и обогатив их новыми аргументами.

Как и Михайловский, Пешехонов полагал, что интеллигенция составляет особую внеклассовую группу, служащую идеалам всестороннего развития личности. Такие факторы ее самосознания, как «ум» и «чувство», являются основой для сближения с народом, исполнения ее долга перед ним. Долг, по убеждению Пешехонова, является не субъективным произволом интеллигенции, а объективной реальностью, отражает направленность закона причинности в неживой природе.

И в этом вопросе Пешехонов принципиально расходится с идеалистами, подчеркивая тесную связь двух реальностей – «мира сущего» и «мира должного». Он писал, что «даже в нашем сознании мы допускаем элементы “долга”... Мы говорим не только, что то или иное из этих явлений совершится, но и то, что земля “должна” двигаться, камень “должен” упасть, свеча “должна” погаснуть. В этом “должен”, “должна”, конечно, нет ничего метафизического. В данном случае для нас совершенно ясно, каким образом категория *сущего* (подчеркнуто автором – В.Б.) сменяется категорией должного. Ретроспективная работа сознания вскрывает причины сущего, в проспекте же работы сознания мысль предвидит результаты должного. Причинность и целесообразность в этом случае лежат на одной линии, только в разных направлениях» (30). Так, Пешехонов связал категорию этики с сущим, с законом причинности.

Объективную основу категорий «должного», «возможного», «желательного» Пешехонов видел в потребностях личности, которые по своему проис-

хождению не заключают в себе «ничего метафизического». Базовыми потребностями он считал «потребность самосохранения» и «сохранения рода или вида», «пропитывающие весь организм» и являющиеся источником как инстинктивной, так и сознательной жизни. Вступая в противоречие друг с другом, эти потребности могут как способствовать жизни, так и привести к губительным последствиям. «Сделать выбор между этими возможностями, устранить противоречия между потребностями, достигнуть гармонического их сочетания, – и составляет основную задачу нравственно-разумной жизни» (31).

Если в биологическом мире эта цель достигается «путем гибели индивидов», то на высшей ступени органической жизни, в человеке привлекаются новые факторы: «на страже целостности личности и общества здесь стоят уже честь и совесть» (32). Если чувства остаются всегда неизменными, то идея чести изменчива. Известны идеи национальной, сословной и всякой групповой чести. Только сейчас является, – писал Пешехонов, – идея общечеловеческой чести (33). Осмысливала же и воплощала ее интеллигенция. Так во взглядах публициста «Русского богатства» получила развитие теория Михайловского об интеллигенции.

Постулируя рационалистическую концепцию преобразования мира, демократы-реформаторы особое внимание уделяли истолкованию истории, стремясь уяснить возможности влияния личности на исторический процесс. Так, анализируя роль Грановского в формировании интеллигенции, Мякотин обратил внимание на современную ему историческую мысль, в особенности на гегельянство, которое, как известно, в его консервативной версии оправдывало существующий порядок вещей, отдавая будущее человечества в руки безличных законов истории. Такой подход изначально лишал личность роли активного фактора общественного прогресса, порождая фатализм и сервилизм. Для Мякотина Грановский был настоящим интеллигентом, «отказавшимся от фатализма». Грановский, по его словам, видел задачу историка не в том, чтобы «оправдать историю, а лишь объяснить ее». Отсюда высокая оценка Мякотиным критики Грановским «немецкой профессуры», замкнувшейся в схоластическом восприятии жизни. Характеризуя историзм последователей Гегеля, публицист отмечал, что «они хорошо понимали прошедшее, но не понимали настоящего и будущего» (34).

Восприятие исторической науки как знания о будущем, а не прошлом было характерно для либерально-демократической мысли. Еще в 1866 г. Михайловский заявлял, что «действительное знание истории, как науки практической, имеющей своей конечной целью предсказывать будущее...» не имеет ничего общего с традиционным пониманием исторических фактов. Руководящей мыслью для историка, по его мнению, должны стать «неисторические цели», определяющие перспективу исторического развития (35).

Актуальной проблемой для народнических публицистов оставался вопрос о взаимоотношениях личности как творца истории и народной массы, в которой эта личность действовала. Проблема взаимоотношений интеллигенции и народа, героя и толпы становилась первоочередной в революцион-

ном процессе. По мнению Мякотина, одним из первых в общественной мысли России на нее обратил внимание Грановский, который «в борьбе личности с массой» увидел олицетворение «борьбы мысли с преданием...» (36).

Концепция интеллигенции нашла свое отражение в трактовке Пешехоновым природы революции 1905–1907 гг., ставшей, по его мнению, результатом столкновения бюрократии и общественности. Осмысливая причины революции, он утверждал, что «в жизни... все время происходила упорная... борьба двух радикально противоположных начал – властного усмотрения и свободного самоопределения» (37).

По убеждению публициста, расцвет бюрократического начала всегда сопровождался «неуклонным расцветом общественности». Однако развитие общественности происходило неравномерно. Быстрее всего процесс шел в «верхних этажах», т.е. среди интеллигенции, где «никогда не угасала идейная жизнь». В народной же среде, где процветал каторжный труд и «редко вспыхивал факел сознательного протеста», отсутствовала критическая мысль. Однако и в низах растет чувство протеста, объединяющее народ. Пешехонов считал, что революция 1905 г. являлась результатом не только осознания народом своей беды и одновременно своих сил, но и «кануном рождения русской демократии» (38).

Среди факторов, тормозивших формирование общественности, Пешехонов называл «полицейский социализм», стремление бюрократии поставить под контроль свободную личность. При этом народ становится «бессвязной толпой», которой легко можно управлять и которой требуется указка, дабы не ошибиться, «кто внутренний враг и где внешний». По убеждению публициста, такие «бессвязные толпы» опасны не только для общественности, но и для государства. Вышедшая из-под контроля деструктивная народная стихия способна на разрушительные действия. Характеризуя погромы в Баку и Курске, Пешехонов в статье «Народ и интеллигенция» (апрель 1905) писал, что погромщики – «это старый враг, лишь спрятавшийся за спину хулигана» (39).

Пешехонов подобно Михайловскому видит в разнуздании толпы не меньшую опасность, чем самый грубый произвол власти. В апреле 1905 г. он пишет о нарастающем движении народа. «С каждым днем движение приобретает все более стихийный характер. И нет ничего мудреного в том, что этот огонь выжжет, в конце концов, не только сорные, но и целебные травы. Может быть, будет выжжена... и русская интеллигенция. Не за Белинского и Михайловского она ответит, не за мучеников своих и героев, не за идеи свои и идеалы. Она ответит за имущие классы, среди которых выросла» (40). Публицист предупреждает о грядущей катастрофе: «Массы могут не рассмотреть, что на слом подлежат лишь перегородки и своды; под ее стихийным напором могут ведь рухнуть и стены самого здания».

Как предотвратить такой исход? Для Пешехонова ответ лежит в плоскости социальных реформ, в эволюционной модели развития общества, в утверждении политической свободы, становлении сознательной, просвещен-

ной общественности. «При свете сознательной мысли, какую интеллигенция внесет в народную среду, и в результате организующей работы, какая ею будет выполнена, она в народе найдет ту силу, которая воплотит, наконец, ее идеалы в действительность» (41).

Анализ концепции интеллигенции, сформулированной Пешехоновым и Мякотинным, показывает, что публицисты «Русского богатства» развили и применили в практическом плане в условиях начавшейся революции идеи Михайловского. Они убедительно, хотя и небесспорно, отстаивали свою позицию в полемике с идеалистами начала XX в.

Таким образом, анализ взглядов либералов и демократов двух эпох показал, что их объединяло восприятие интеллигенции как внесловной нравственной силы общества. Однако либералы акцентировали внимание на ее практической сфере деятельности, апеллировали к разуму как основному побудительному мотиву ее активности, демократы же большее внимание уделяли ее субъективному внутреннему миру как главному фактору оппозиционности.

Общим для них было и понимание роли свободы личности в развитии страны. Вместе с тем для либералов актуальнейшей являлась задача формирования самой личности, решение которой они связывали с деятельностью интеллигенции. Для демократов, воочию увидевших революционные события начала XX в., более актуальной и требующей всестороннего осмысления стала проблема отношения народа и интеллигенции. При этом они сохраняли веру в созидательные силы народа, ведомого интеллигенцией к свободе и демократии. Либеральные же мыслители, в отличие от реформаторов-демократов, считали, что эту роль она может выполнить лишь в союзе, а не в противостоянии с государством.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Подробнее см.: Самарцева Е.И. Российская интеллигенция до октября 1917 года. Историографический очерк. – Тула, 1998; Интеллигенция и либерализм в России / Межвузовский научный сборник. – Саратов, 1995; Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология / Материалы международной научной конференции. Неаполь, май 1997. Составил Б.А. Успенский. – М., 1999; Соколов А.В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. – СПб., 2007 и др.
- (2) См., например, Березовая Л.Г. Самосознание русской интеллигенции. – Дис. ... докт. ист. наук. – М., 1994; Мокшин Г.Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. – Воронеж, 2007 и др.
- (3) Кавелин К.Д. Общинное владение / Собр. соч.: В 4 т. – СПб., 1897–1900. – Т. 2. – Стлб. 212.
- (4) Кавелин К.Д. Разговор / Там же. – Т. 2. – Стлб. 1109–1110.
- (5) Кавелин К.Д. Крестьянский вопрос / Там же. – Стлб. 545–546.
- (6) Письма Кавелина к П.В. Анненкову / РО ИРЛИ. – Ф. 7. – № 43. – Л. 37 (об).
- (7) Кавелин К.Д. Крестьянский вопрос / Соч. – Т. 2. – Стлб. 398–399.

- (8) *Кавелин К.Д.* Злоба дня / Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. – М., 1989. – С. 504.
- (9) *Кавелин К.Д.* Мысли и заметки о русской истории / Наш умственный строй. – С. 203.
- (10) *Кавелин К.Д.* Письмо Ф.Д. Достоевскому / Там же. – С. 474.
- (11) Там же. – С. 456, 462, 463.
- (12) *Кавелин К.Д.* Крестьянский вопрос / Соч. – Т. 2. – Стлб. 527, 528.
- (13) Там же. – Стлб. 596.
- (14) *Градовский А.Д.* Задача русской молодежи / Трудные годы (1876–1880). Составитель, автор вступительной статьи и комментариев С.С. Секиринский. – М., 2010. – С. 296. Впервые опубликовано: *Голос*, 1879, 1 августа.
- (15) *Градовский А.Д.* Тревожный вопрос / Собрание сочинений. Т. 1–9. – СПб., 1899–1904. – Т. 6. – 1901. – С. 388.
- (16) Там же. – С. 391, 392.
- (17) См.: *Градовский А.Д.* Мечты и действительность / Соч. – Т. 6. – С. 377, 378, 379, 380.
- (18) См.: там же. – С. 381, 382
- (19) *Градовский А.Д.* Надежды и разочарования / Там же. – С. 336.
- (20) *Градовский А.Д.* Либерализм и западничество / Там же. – С. 398
- (21) *Градовский А.Д.* Задача русской молодежи / Трудные годы (1876–1880). – С. 297.
- (22) Там же. – С. 295.
- (23) Там же. – С. 298.
- (24) Там же. – С.294.
- (25) *Пешехонов А.В.* К вопросу об интеллигенции. – СПб., 1906. – С. 66.
- (26) *Мякотин В.А.* Профессор сороковых годов / Из истории русского общества. Этюды и очерки. – СПб., 1902. – С. 344.
- (27) Там же. – С. 347.
- (28) *Пешехонов А.В.* К вопросу об интеллигенции... – С. 76.
- (29) См.: *Кистьяковский Б.* Русская социологическая школа и категория возможности при решении социально-этических проблем / Проблемы идеализма. – М., 2002. – С. 575–684.
- (30) *Пешехонов А.В.* К вопросу об интеллигенции... – С. 92.
- (31) Там же. – С. 99.
- (32) Там же. – С. 100.
- (33) Там же. – С. 101.
- (34) *Мякотин В.А.* Профессор сороковых годов... – С. 348
- (35) *Михайловский Н.К.* Полное собрание сочинений. Т. 1–8, 10. – СПб., 1906–1913. – Т. 10. – С. 656.
- (36) *Мякотин В.А.* Профессор сороковых годов... – С. 349.
- (37) *Пешехонов А.В.* На очередные темы. 1904–1909. – СПб., 1909. – С. 22.
- (38) Там же. – С. 25.
- (39) Там же. – С. 54
- (40) Там же. – С. 56.
- (41) Там же. – С. 57.

REFERENCE

- (1) Samartseva E.I. Rossiyskaya intelligentsiya do oktyabrya 1917 goda. Istoriograficheskiy ocherk [Russian intelligentsia till october 1917. Historiographic essay]. Tula, 1998; Intelligentsiya i liberalizm v Rossii. Mezhvuzovskiy nauchnyy sbornik [Intelligentsia and

- liberalism in Russia. University collection]. Saratov, 1995; Russkaya intelligentsiya i zapadnyy intellektualizm: Istoriya i tipologiya. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Neapol', may 1997. Sostavil B.A. Uspenskiy [Russian intelligentsia anfwestern intellectualism: history and tipology. Interneteional science conference materials. Napoli, may 1997.]. Ed. V.A. Uspenskiy. Moscow, 1999; Sokolov A.V. Intelligenty i intellektualy v rossiyskoy istorii [Intelligentsia and intellectuals in Russian history]. St.-Petersburg, 2007, etc.
- (2) Berezovaya L.G. Samosoznanie russkoy intelligentsii. Dis. ... dokt. ist. nauk [Self-consciousness of russian intelligentsia]. Moscow, 1994; Mokshin G.N. Ideologi legal'nogo narodnichestva o russkoy intelligentsii [Ideologists of legal narodnik movement]. Voronezh, 2007, etc.
  - (3) Kavelin K.D. Obshchinnoe vladenie. Sobr. soch... [Community ownership. Collected works in 4 v.]. St.-Petersburg, 1897–1900, vol. 2, p. 212.
  - (4) Ibid., p. 1109–1110.
  - (5) Ibid., p. 545–546.
  - (6) Handwritten department nstituta Russian literature (RO IRLI), f. 7, no. 43, l.37 (rev.).
  - (7) Kavelin K.D. Obshchinnoe vladenie. Sobr. soch [Community ownership. Collected works], vol. 2, p. 398–399.
  - (8) Kavelin K.D. Nash umstvennyy stroy. Stat'i po filosofii russkoy istorii i kul'tury [Our mental system. Topic of the day. Russian history and culture philosophy articles]. Moscow, 1989, p. 504.
  - (9) Ibid., p. 203.
  - (10) Ibid., p. 474.
  - (11) Ibid., pp. 456, 462, 463.
  - (12) Idem., Sobr. soch [Collected works], vol. 2, pp. 527, 528.
  - (13) Ibid., p. 596.
  - (14) Gradovskiy A.D. Trudnye gody (1876–1880) [Hard times (1876–1880)]. Moscow, 2010, p. 296.
  - (15) Ibid., Sobranie sochineniy [Collected works]. St.-Petersburg, 1899–1904, vol. 6, 1901, p. 388.
  - (16) Ibid., pp. 391, 392.
  - (17) Ibid., pp. 377, 378, 379, 380.
  - (18) Ibid., p. 381, 382
  - (19) Ibid., p. 336.
  - (20) Ibid., p. 398
  - (21) Ibid., p. 297.
  - (22) Ibid., p. 295.
  - (23) Ibid., p. 298.
  - (24) Ibid., p. 294.
  - (25) Peshekhonov A.V. K voprosu ob intelligentsii [To the question of intelligentsia]. St.-Petersburg, 1906, p. 66
  - (26) Myakotin V.A. Iz istorii russkogo obshchestva. Etyudy i ocherki [From russian society history. Sketches and essays]. St.-Petersburg, 1902, p. 344.
  - (27) Ibid., p. 347.
  - (28) Peshekhonov A.V. K voprosu ob intelligentsii [To the question of intelligentsia], p. 76.
  - (29) Kistyakovskiy B. Problemy idealizma [Problems of idealism]. Moscow, 2002, p. 575–684
  - (30) Peshekhonov A.V. K voprosu ob intelligentsii [To the question of intelligentsia], p. 92.
  - (31) Ibid., p. 99.

- (32) *Ibid.*, p. 100.
- (33) *Ibid.*, p. 101.
- (34) Myakotin V.A. *Iz istorii russkogo obshchestva* [From russian society history], p. 348
- (35) Mikhaylovskiy N.K. *Polnoe sobranie sochineniy* [Collected works]. St.-Petersburg, 1906–1913, vol. 10, p. 656.
- (36) Myakotin V.A. *Iz istorii russkogo obshchestva* [From russian society history], p. 349
- (37) Peshekhonov A.V. *Na ocherednye temy* [On immediate themes. 1904–1909]. St.-Petersburg, 1909, p. 22.
- (38) *Ibid.*, p. 25.
- (39) *Ibid.*, p. 54.
- (40) *Ibid.*, p. 56.
- (41) *Ibid.*, p. 57.

INTELLIGENTSIA IN VIEWS OF RUSSIAN LIBERALS AND REFORMERS-DEMOCRATS OF LATE XIXth – EARLY XXth CENTURIES

R.A. Arslanov

V.V. Blokhin

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklay st., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The article considers the attitude of the greatest Russian thinkers of the liberal and reformatory democratic schools of the post-reform modernization time of the early XIXth – late XXth centuries to domestic intelligentsia. The authors analyze the self-reflectiveness of eminent representatives of the Russian intellectuals (intelligentsia) and compare the views of the most important representatives of the liberal (K. Kavelin, A. Gradovsky) and democratic (A. Peshekhonov, V. Myakotin) trends.

The analysis of liberals' and democrats' views of the two epochs enables to conclude that they were united by their perception of the intelligentsia as a moral force of the society. They are also similar in their understanding of the role of individual freedom in the country's development. However, for the liberals the most urgent was the task of personality formation, the solution to which they associated with the intelligentsia activities. For democrats, who saw the revolutionary events of the early XXth century, the problem of interaction of people and intellectuals became more urgent. But they still maintained their belief in the creative power of people, led by intellectuals for freedom and democracy.

Key words: intelligentsia, democracy, liberalism, state, people, reforms, revolution, education, political crisis, public enthusiasm.